АЛЕКСѢЙ ѲЕДОРОВИЧЪ АРБУЗОВЪ,

генералъ-адъютантъ.

1796 — 1861 гг.

Къ „Воспоминаніямъ г.-л. М. А. Маркова о службѣ въ л.-гв. Павловскомъ полку".

Насколько сыну не подобаетъ быть панегиристомъ своего роднаго отца и его служебной дѣятельности, настолько-же, если не болѣе, ему вмѣняется въ священную обязанность охранять память отца отъ неблаговидныхъ нареканій и отъ преувеличеннаго изображенія такихъ его недостатковъ, которые собственно свойственны всѣмъ смертнымъ, за исключеніемъ развѣ геровъ старыхъ романовъ и нѣкоторыхъ авторовъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ". Къ исполненію этой священной обязанности я вызванъ „Воспоминаніями стараго инвалида", М. А. Маркова, помѣщенными въ октябрьской книгѣ „Русской Старины" за 1890 г.

Прежде чѣмъ возражать противъ разсказовъ и анекдотовъ М. А. Маркова, предпосылаю краткія біографическія свѣдѣнія объ А. Ѳ. Арбузовѣ, заимствованныя изъ его формулярнаго списка и другихъ не менѣе достовѣрныхъ источниковъ; свѣдѣнія эти настолько характерны, что по прочтеніи ихъ, даже безъ всякихъ комментарій съ моей стороны, каждому станетъ ясно, куда отнести анекдоты „стараго инвалида", къ области-ли правдиваго изложенія дѣйствительности или къ области игриваго вымысла.

Алексѣй Ѳедоровичъ Арбузовъ происходилъ изъ бѣдной дво-

рянской семьи. Отецъ его—дворянинъ Смоленской губерніи, служившій въ мелкихъ офицерскихъ чинахъ, будучи обремененъ огромнымъ семействомъ, не имѣлъ никакой возможности дать образованіе своимъ дѣтямъ [1]), поэтому А. Ѳ. въ 1807 году былъ отправленъ, на счетъ дворянскихъ суммъ, во 2-й кадетскій корпусъ. Въ концѣ 1808 или въ началѣ 1809 г. онъ былъ уже фельдфебелемъ въ Дворянскомъ полку; въ августѣ 1810 г., по испытаніи, сдѣланномъ лично императоромъ Александромъ Павловичемъ, въ знаніи фронтовой службы, А. Ѳ. былъ произведенъ въ подпоручики по арміи, съ прикомандированіемъ къ л.-гв. Егерскому полку, въ который и былъ переведенъ въ томъ-же году и тѣмъ-же чиномъ. Тутъ наступило для А. Ѳ. время тяжкихъ лишеній и испытаній. Не легко было существовать гвардейскому офицеру на одно весьма ограниченное жалованье, безъ всякой матеріальной поддержки отъ семьи, особенно въ тѣ времена. Щегольство, всегда присущее гвардіи, тогда было гораздо чувствительнѣе для бѣднаго офицера, такъ какъ производство мишуры не было еще извѣстно и всѣ принадлежности военной формы: шарфы, эполеты и т. п. дѣлались изъ канителя чистаго серебра. Въ какихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ находился А. Ѳ., можно видѣть изъ того, что нерѣдко пища его ограничивалась артельнымъ котломъ. Чай былъ для него недоступною роскошью; онъ не дозволялъ себѣ пить его даже у своихъ товарищей, не имѣя возможности угощать ихъ тѣмъ-же у себя. Однимъ словомъ, если въ виду столь тяжкихъ матеріальныхъ условій, А. Ѳ. не исполнилъ своего намѣренія перейти въ армію, то лишь благодаря доброму къ нему расположенію товарищей и полковаго командира К. И. Бистрома, а главное, благодаря милостивому къ нему вниманію государя и пособіямъ отъ щедротъ его [2]). Черезъ $1^1/_2$ года послѣ производства въ офицеры, А. Ѳ. выступилъ въ походъ и былъ во всѣхъ тѣхъ сраженіяхъ, дѣлахъ и перестрѣлкахъ, въ которыхъ участвовали лейбъ-егеря отъ Смоленска до Парижа. Въ 1814 году онъ возвратился съ полкомъ изъ Парижа штабсъ-капитаномъ, имѣя ордена: св. Анны 4-й степени, съ надписью „за храбрость“, и 2-й ст. съ алмазами, св. Владиміра съ бантомъ, прусскій желѣзный крестъ (за Кульмъ) и орденъ за заслуги (Pour le mérite). Въ 1818 г. А. Ѳ. произведенъ въ полковники, въ 1820 году утвержденъ бата-

[1]) Дѣдъ былъ женатъ три раза и дѣтей у него было 24 человѣка.

[2]) Свято и съ безпредѣльною благодарностью чтилъ отецъ память императора Александра Павловича. Между прочимъ, до послѣднихъ дней своей жизни онъ ежедневно, послѣ утренней молитвы, подходилъ къ портрету императора и съ благоговѣніемъ преклонялъ передъ нимъ голову. Д. А.

ліоннымъ командиромъ, а въ 1825 г. назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка и флигель-адъютантомъ. Въ 1826 году произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ этотъ періодъ службы и матеріальныя средства А. Ѳ. значительно возросли. Кромѣ гласныхъ и негласныхъ [1]) пособій отъ блаженной памяти Александра Павловича, А. Ѳ. въ 1821 г. была пожалована пенсія; вскорѣ затѣмъ — 2,857 десятинъ земли въ Петровскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи и для устройства тамъ хозяйства 50,000 р. (ассигнаціями), заимообразно, на продолжительный срокъ. Впослѣдствіи сумма эта всемилостивѣйше обращена ему въ даръ императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Лейбъ-гв. Павловскимъ полкомъ А. Ѳ. командовалъ безъ малаго 11 лѣтъ. 14-го декабря 1825 г. онъ былъ во главѣ той части полка, которая, вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ, подверглась дѣйствію картечныхъ выстрѣловъ, направленныхъ противъ толпы мятежниковъ; онъ участвовалъ съ полкомъ въ двухъ кампаніяхъ: Турецкой 1828 г. и Польской 1831 г.; при немъ полкъ былъ возведенъ въ „старую гвардію“ и при немъ-же полкъ почтенъ назначеніемъ шефомъ полка наслѣдника великаго князя Александра Николаевича. Такъ какъ разсказы и анекдоты объ А. Ѳ. въ „Воспоминаніяхъ стараго инвалида“ касаются лишь вышеизложеннаго періода службы отца, то считаю излишнимъ описывать дальнѣйшій ходъ ея; добавлю только, что до назначенія командующимъ всею

[1]) Со словъ отца и нѣкоторыхъ его товарищей привожу примѣръ подобнаго негласнаго пособія. Объ этомъ событіи въ своей жизни отецъ нерѣдко вспоминалъ со слезами на глазахъ. Въ началѣ 1821 года, вслѣдствіе политическихъ усложненій на югѣ Европы, гвардія неожиданно была двинута въ западныя губерніи. Внезапный походъ поставилъ отца въ крайне затруднительное положеніе: у него не было ни времени, ни достаточно средствъ для устройства и обезпеченія жены и двоихъ дѣтей. По приходѣ въ Вильну, выяснилось, что гвардія, вѣроятно, не предстоитъ дальнѣйшаго похода, но и возвращеніе въ Петербургъ едва-ли послѣдуетъ раньше года. Взявъ на короткое время отпускъ, отецъ поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы при помощи частнаго займа добыть денегъ и перевезти семью въ Вильну. Къ великому его огорченію, всѣ хлопоты были безуспѣшны и наканунѣ дня своего отъѣзда въ Вильну, въ самомъ отчаянномъ настроеніи духа, возвращается онъ домой. Его встрѣчаетъ камердинеръ императора и, передавая конвертъ, говоритъ: „Его Величество, узнавъ, что вы пріѣхали за вашей семьей, повелѣлъ мнѣ вручить вамъ лично настоящій конвертъ“. Въ конвертѣ оказалось 5,000 р. асигн. Предоставляю каждому судить: что̀ долженъ былъ перечувствовать въ этотъ моментъ мой отецъ!... Лишь не испытавшіе подобныхъ минутъ могли сомнѣваться въ искренности и глубокой скорби отца, когда его вынесли безъ чувствъ съ первой панихиды въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ по августѣйшемъ благодѣтелѣ его, императорѣ Александрѣ I-мъ. Д. А.

пѣхотою гвардейскаго корпуса, онъ послѣдовательно командовалъ всѣми частями ея: 4-й бригадой, 3-й бригадой, 3-й дивизіей и 1-й дивизіей.

Не считая для себя возможнымъ и удобнымъ входить въ оцѣнку дѣятельности А. Ѳ., какъ полковаго командира, мнѣ остается лишь сослаться въ этомъ отношеніи на отзывы самого автора „Воспоминаній“ [1]) и на „Исторію л.-гв. Павловскаго полка“, составленную П. Н. Вороновымъ и В. Бутовскимъ (изд. 1875 г., стр. 272, 273, 278—280, 305, 309, 317, 327, 341, 346 и 369).

Вотъ извлеченія изъ этихъ отзывовъ: А. Ѳ. Арбузовъ, получивъ воспитаніе и образованіе въ „непроходимой трущобѣ“ (такъ называетъ М. А. Марковъ — Дворянскій полкъ), былъ произведенъ въ офицеры л.-гв. въ Егерскій полкъ, гдѣ, окруженный обществомъ образованныхъ товарищей, съумѣлъ значительно сгладить угловатость пріемовъ, вынесенныхъ имъ изъ названной „трущобы“, и приноровиться по возможности къ приличію и особенностямъ тѣхъ людей, между которыми жилъ: какъ человѣкъ умный и вполнѣ способный понимать условія житейской практики, онъ скоро уразумѣлъ, что ему никогда не удастся стать вровень съ товарищами на свѣтской аренѣ, а потому всецѣло посвятилъ себя изученію строевыхъ тонкостей и вскорѣ обогналъ не одного полу-французика и „съ умѣлъ сдѣлаться положительно нужнымъ тамъ, гдѣ служилъ“. Затѣмъ, укоряя А. Ѳ. въ дикой и грубой фразеологіи, изученной имъ „въ омутѣ дворянскаго воспитанія“, М. А. Марковъ говоритъ: еслибъ возможно было уничтожить эти фразы и вычеркнуть ихъ вовсе изъ памяти, то нельзя не сознаться, что генералъ Арбузовъ былъ наиотличнѣйшимъ полковымъ командиромъ. Солдаты его любили. Онъ былъ неутомимъ въ попеченіяхъ о солдатѣ; ежедневно и своеглазно наблюдалъ онъ за пищею и помѣщеніемъ солдатъ, доставлялъ имъ разныя удобства, устроилъ имъ бани и пріемный покой для заболѣвающихъ; при зимнихъ походахъ у солдатъ было изобиліе полушубковъ и другихъ теплыхъ принадлежностей; каждый день обгонялъ онъ всѣ роты на походѣ, внимательно всматриваясь, не терпѣлъ-ли кто изъ людей отъ зимняго похода; приказывалъ отправлять слабыхъ немедленно въ полковой штабъ, гдѣ лично распоряжался удобствами для помѣщенія больныхъ и слабыхъ, для которыхъ никогда не было недостатка въ подводахъ для перевозки ихъ, пока поправятся.

Обогнавъ роты, онъ обыкновенно пріѣзжалъ въ штабъ не къ себѣ на квартиру, а въ полковой лазаретъ, гдѣ находилъ все

[1]) Стр. 88, 89, 98, 115 и 116.

недостаточно исправнымъ: то не хорошъ воздухъ, то мало соломы, то недостаточно тепло, то вода не хороша [1]). „Все это", говоритъ М. А. Марковъ, — „показывало личность разумную, могущую стать въ примѣръ даже современнымъ гуманникамъ".

Въ „Исторіи л.-гв. Павловскаго полка" повторяются тѣ же добрые отзывы объ А. Ѳ. какъ о полковомъ командирѣ, съ нѣкоторыми прибавленіями не менѣе для него лестными, такъ, напр.: передъ штурмомъ Варшавы, для примѣрнаго обученія солдатъ: какъ переходить рвы, уничтожать палисады, взбираться на брустверъ, по приказанію фельдмаршала Паскевича, были возведены укрѣпленія по образцу тѣхъ, которыми предстояло овладѣть; генералъ Арбузовъ самъ одѣвалъ амуницію, бралъ ружье и лично продѣлывалъ передъ полкомъ подробности взбиранія на укрѣпленія.

„Ни одинъ періодъ не былъ такъ счастливъ для л.-гв. Павловскаго полка, какъ періодъ командованія полковника, впослѣдствіи генералъ-маіора, Арбузова. Во все время командованія полкомъ А. Ѳ. Арбузова, полкъ стоялъ на значительной высотѣ по фронтовой выправкѣ, чему чрезвычайно способствовала его большая строевая опытность".

„Если принять во вниманіе духъ того времени и систему воспитанія, которую пришлось испытать на себѣ генералу Арбузову, то память его должна чтиться въ л.-гв. Павловскомъ полку, который въ его командованіе былъ осчастливленъ величайшими монаршими милостями".

Наконецъ, въ день празднованія 25-лѣтняго юбилея [2]) со дня назначенія государя наслѣдника шефомъ л.-гв. Павловскаго полка, генералъ-адъютантъ А. Ѳ. Арбузовъ былъ осчастливленъ слѣдующимъ рескриптомъ:

„Алексѣй Ѳедоровичъ! Сегодня исполнилось двадцать пять лѣтъ, что я имѣю честь быть шефомъ л.-гв. Павловскаго полка; состоя тогда подъ вашимъ начальствомъ, полкъ сей, впослѣдствіи, въ двухъ достопамятныхъ походахъ, предводимый вами, отличился своими доблестями и удостоился причислиться къ старой гвардіи. Въ ознаменованіе сихъ событій и въ изъявленіе искренняго моего благоволенія, препровождаю къ вамъ при семъ табатерку съ моимъ портретомъ, брильянтами украшенную. Съ отмѣннымъ уваженіемъ пребываю къ вамъ искренно доброжелательный Александръ".

---

[1]) „Вотъ тутъ-то я натерпѣлся отъ заботливаго полковаго командира муки, что называется, по самое горло! восклицаетъ М. А. Марковъ, словомъ, поѣдомъ ѣлъ меня; но за то, надо сказать правду, и кормилъ на отвалъ"—и нервы М. А. Маркова успокоивались.

[2]) „Исторія л.-гв. Измайловскаго полка", стр. 369.

Настоящій рескриптъ и вышеприведенные отзывы безспорно подтверждаютъ, что А. Ѳ. не только не умалилъ, а напротивъ содѣйствовалъ къ усиленію славы доблестнаго л.-гв. Павловскаго полка и что анекдоты о немъ М. А. Маркова одинаково далеки какъ отъ правды, такъ и отъ добросовѣстности, ибо, въ противномъ случаѣ, А. Ѳ. не могъ-бы заслужить ни столь отличныхъ отзывовъ, ни признанія „наиотличнѣйшимъ командиромъ“ и намять о немъ не могла-бы „чтиться“ полкомъ, такъ какъ это немыслимо на той ступени, на которую онъ низводится „Воспоминаніями“ М. А. Маркова. Въ виду столь явныхъ противорѣчій между отзывами самаго автора объ А. Ѳ. и его-же анекдотическими разсказами, о послѣднихъ не стоило бы и говорить, если-бъ они не были раздуты до цинизма. Чтобы показать насколько „старому инвалиду“ Маркову иногда измѣняла память [1]) и насколько онъ обладалъ способностью углубляться въ область фантазіи, жертвуя при этомъ правдой, ради краснаго и сильнаго словца, я, противъ собственнаго желанія, вынужденъ привести здѣсь нѣкоторыя изъ его автобіографическихъ повѣствованій.

Будучи выпущенъ изъ Московскаго корпуса въ 1827 г., М. А. Марковъ, въ числѣ прочихъ, былъ прикомандированъ къ Дворянскому полку, „яко-бы для узнанія фронтовой службы, но вмѣсто того водили въ классы „писать по командѣ азы и получать колотушки въ лобъ за тупоуміе“ (!), а узнали они только то, „что въ этомъ полку каждый ротный командиръ, штабсъ-капитанскаго чина, имѣлъ полнѣйшее право пороть подчиненныхъ ему дворянъ, сколько угодно было его благоутробію“ (?); начальство не называло ихъ по фамиліямъ, а если нужно было кого-нибудь назвать, то оборачивало къ нему только свой носъ и произносило: „эй, ты, болванъ, оселъ! или еще какую-нибудь болѣе забористую кличку“ (!).

Наконецъ, въ первый день пасхи 1828 г., Марковъ былъ произведенъ въ офицеры и Я. И. Ростовцевъ, привезшій о томъ приказъ, предложилъ ему немедленно надѣть мундиръ и ѣхать къ нему обѣдать. „Но не тутъ-то было“,—восклицаетъ Марковъ,—оказалось, что высочайшій приказъ требовалъ санкціи приказа по Дворянскому полку:

„Въ то время—объясняетъ Марковъ—уже было почти правиломъ въ Дворянскомъ полку не объявлять воспитанникамъ, произведеннымъ въ офицеры, высочайшаго приказа по крайней мѣрѣ недѣли двѣ, и не позволять въ это время надѣвать офицерскихъ мундировъ; малодушныхъ-же, нарушавшихъ этотъ запретъ, ловили и хватали, словно воровъ, при вечернемъ возвращеніи ихъ въ казармы, а наутро предавали ихъ энергическому стеганію, отпуская на порцію каждому не менѣе ста розогъ и приговаривая съ

[1]) Воспоминанія написаны въ 1875 г. о событіяхъ 1828—1835 гг.

особеннымъ злорадствомъ, что его-де благородію стыдно отпустить меньше; а если его благородіе возвращался домой не много навеселѣ или осмѣливался разсуждать объ офицерскихъ правахъ, то ему стеганіе производилось уже сугубое, доходившее до двухсотъ ударовъ и выше смотря по тому, въ какомъ духѣ былъ палачъ,—вивоватъ, я хотѣлъ сказать—полковникъ, потому что за офицерскими мягкими частями сохранялось то великое преимущество, что ихъ стегали по распоряженію штабъ-офицера, а ужъ никакъ не штабсъ-капитана (!)"

Но.... къ великому счастью Маркова, въ годъ его выпуска Дворянскій полкъ не воспользовался своимъ правомъ: игнорировать высочайшіе приказы и стегать ихъ благородій!—На другой-же день, въ полной парадной формѣ офицера л.-гв. Павловскаго полка, вмѣстѣ со своими товарищами, Марковъ представлялся уже во дворцѣ великому князю Михаилу Павловичу.

Однако и тутъ не обошлось безъ казуса: въ пріемный залъ, въ которомъ вновь произведенные офицеры ожидали выхода великаго князя, „влетѣлъ командиръ перваго баталіона Дворянскаго полка, полковникъ Бородинъ; онъ, окинувъ насъ какимъ-то надменно-презрительнымъ взглядомъ, закричалъ: „что вы какими дураками стоите!"

Молча проглотили столь лестный привѣтъ вновь произведенные, и лишь присутствовавшіе при этомъ гвардейскіе офицеры разныхъ полковъ и должностей „фыркнули".

Далѣе Марковъ говоритъ, что онъ распространился о Дворянскомъ полку въ томъ соображеніи, чтобы дать понятіе о той „непроходимой трущобѣ", гдѣ получилъ воспитаніе и образованіе А. Ѳ. Арбузовъ. Между тѣмъ, изъ разсказовъ и воспоминаній самого А. Ѳ., бывшихъ его товарищей, одного изъ офицеровъ Дворянскаго полка [1]) и по интереснымъ Запискамъ М. М. Кирѣева [2]) не подлежитъ сомнѣнію, что какъ ни сурова была дисциплина и какъ ни строги были взысканія въ Дворянскомъ полку въ 1807—1811 годахъ, но онѣ далеко не достигали тѣхъ невѣроятныхъ безобразій и безззаконій, которыя яко-бы творились въ „непроходимой трущобѣ" во время пребыванія тамъ самого М. А. Маркова, т. е. въ 1827—1828 гг.

Насколько вообще М. А. Марковъ въ своихъ Воспоминаніяхъ руководствовался чувствомъ справедливости и безпристрастія, можно судить по слѣдующему его отзыву о бывшемъ полковомъ адъютантѣ:

---

[1]) Впослѣдствіи нашего сосѣда по имѣнію—Григорія Викторовича Степанова.

[2]) „Русская Старина" 1890 г., т. LXVII, стр. 15—36.

А. А. Стахіевъ [1]), говоритъ онъ, былъ по природѣ человѣкъ съ хорошими началами, весьма неглупый и довольно начитанный; лично къ себѣ былъ безпеченъ до идіотизма; относительно службы строго исправенъ; съ младшими офицерами обходился деспотически, къ старшимъ относился заносчиво и былъ маленькимъ Аракчеевымъ, со всѣми замашками, присущими этому недавнему народному страшилищу: безграничнымъ себялюбіемъ, отвратительною мелочностью, неотразимою придирчивостью и безнощадною жестокостью". Безъ всякихъ комментарій сопоставляемъ этотъ отзывъ съ отзывомъ объ А. А. Стахіевѣ его товарищей-сослуживцевъ [2]).

„Къ числу лицъ, имѣвшихъ въ описываемое время сильное вліяніе и значеніе въ полку, слѣдуетъ отнести: полковаго адъютанта штабсъ-капитана А. А. Стахіева. Онъ былъ строго исправенъ по исполненію служебныхъ обязанностей и считалъ ихъ преимущественно достойными вниманія. Своею постоянною преданностью, а главное рвеніемъ къ исполненію службы вообще, онъ всегда обращалъ на себя вниманіе всѣхъ сослуживцевъ. Строго относясь къ самому себѣ во всѣхъ отношеніяхъ, онъ требовалъ того-же и отъ другихъ. По службѣ Стахіевъ былъ неутомимъ. Командиръ полка выказывалъ ему постоянное расположеніе и полное неограниченное довѣріе. Онъ былъ человѣкъ весьма образованный и начитанный. Не смотря на свою силу, значеніе и вліяніе въ полку, Стахіевъ былъ далекъ отъ всякихъ интригъ и былъ всегда прямодушенъ, за что и заслужилъ по себѣ хорошую память" [3]).

Переходя затѣмъ къ разсказамъ и анекдотамъ объ А. Ѳ. Арбузовѣ, прежде всего я долженъ замѣтить, что бо́льшая часть изъ нихъ не вяжется даже съ понятіемъ о человѣкѣ „умномъ, вполнѣ способномъ понимать условія житейской практики, умѣвшемъ сдѣлаться положительно необходимымъ тамъ, гдѣ служилъ, могущемъ стать примѣромъ современнымъ гуманникамъ"—какимъ рисуетъ А. Ѳ. самъ же М. А. Марковъ. Обратимся къ его разсказамъ. Изъ всего груза неблаговидныхъ обвиненій, взваленныхъ имъ на А. Ѳ., коснемся лишь главнѣйшихъ изъ нихъ.

Когда при первомъ представленіи вновь произведенныхъ офицеровъ А. Ѳ—у, оказалось, что ни у кого изъ нихъ нѣтъ состоянія, то генералъ скривился и плачевно произнесъ: „да когда-же, Боже мой, перестанутъ давать ко мнѣ въ полкъ только однихъ нищихъ, чтобы надоѣдать о пособіяхъ, да о выдачахъ въ счетъ жалованья!" Можно-ли повѣрить, чтобы человѣкъ „умный", испытавшій на себѣ

---

[1]) Воспоминанія, „Русск. Ст." 1890 г., т. LXVIII, стр. 90—94.

[2]) „Исторія л.-г. Павловскаго полка" 1875 г., стр. 343—44.

[3]) М. А. Марковъ сомнѣвается: былъ-ли маленькій Аракчеевъ преданъ безъ лести своему патрону? Не подлежитъ сомнѣнію, что А. А. Стахіевъ былъ и оставался до конца своей жизни безпредѣльно преданнымъ и глубоко уважавшимъ А. Ѳ. Арбузова. Семья ваша имѣетъ на то достаточно доказательствъ. Д. А.

тяжесть бѣдности, могъ столь цинично привѣтствовать вновь произведенныхъ въ его полкъ офицеровъ!? Несомнѣннымъ же подтвержденіемъ того, что фраза эта весьма безцеремонно придумана Марковымъ и неудачно имъ навязана А. Ѳ—чу, служатъ тѣ добрые отзывы благодарности и уваженія къ памяти его, которые нерѣдко слышатся и по настоящее время на его родинѣ за его посильное содѣйствіе и ходатайства объ опредѣленіи бѣдныхъ дворянъ въ корпуса [1]) и на службу.

Не было также причинъ молодымъ офицерамъ, предназначеннымъ въ турецкій походъ, „просить о выдачѣ имъ жалованья впередъ", а А. Ѳ. „презрительно" возражать имъ, такъ какъ всѣмъ офицерамъ, передъ выступленіемъ въ кампанію, выдавалась часть жалованья не взачетъ.

— „Что вы архіереемъ-то, сударь, разъѣзжаете передъ баталіономъ"—фраза, лишь Марковымъ приписанная А. Ѳ—чу; въ свое время анекдотъ этотъ разсказывался про одного извѣстнаго кавалерійскаго генерала, которому впослѣдствіи пришлось командовать пѣхотнымъ корпусомъ и который, какъ истый кавалеристъ, не могъ равнодушно видѣть пѣхотныхъ маіоровъ верхомъ на конѣ.

Иногда Марковъ считаетъ необходимымъ ослабить неприглядность и грубость выраженій, приписываемыхъ имъ А. Ѳ—чу, и тѣмъ какъ бы самъ признаетъ, что разсказъ его черезъ чуръ раздутъ или просто даже придуманъ. Такъ, напримѣръ, на одномъ ученьѣ ошибка полковника заставила А. Ѳ. чуть не заревѣть: „святая заступница, отчего это нельзя и полковниковъ валять палочьемъ!" „Положимъ, что этого плачевнаго возгласа самъ виновный и не слыхалъ, но довольно, что его слышали два—три офицера и два—три десятка разныхъ ротозѣевъ"... Остается непонятнымъ: какъ это „ревъ" не дошелъ до виновнаго? А тѣмъ паче необъяснимымъ, какъ подобный „ревъ", слышанный двумя—тремя офицерами, не вызвалъ справедливаго протеста со стороны всѣхъ офицеровъ полка? Впрочемъ, судя по словамъ Маркова, полковники равнодушно переносили и другія, не менѣе оскорбительныя, выраженія, адресованныя имъ во всеуслышаніе: „вамъ все мерещатся"... „не будьте передъ фронтомъ чопорною барынею!" Какое невозможное и поистинѣ обидное равнодушіе къ оскорбленіямъ вынужденъ Марковъ приписать офицерамъ л.-гв. Павловскаго полка, чтобы затѣмъ имѣть возможность въ своихъ разсказахъ извращать до грубости всѣ вообще замѣчанія А. Ѳ—ча!

---

[1]) Что удавалось А. Ѳ. благодаря отмѣнно доброму расположенію къ нему Я. И. Ростовцева.

Въ увлеченіи, Марковъ обращаетъ въ укоръ А. Ѳ—чу даже и то весьма справедливое замѣчаніе его одному изъ полковниковъ, что въ строю нѣтъ „Иванъ Ивановичей, а есть только чины и фамиліи", хотя ему, Маркову, болѣе чѣмъ кому-либо было извѣстно это правило: въ 1829 году, въ праздникъ Богоявленія Господня, послѣ водосвятія на Невѣ, онъ относилъ знамя въ Зимній дворецъ; встрѣтившійся ему государь Николай Павловичъ съ наслѣдникомъ цесаревичемъ сказалъ: „подпоручикъ Романовъ, примите знамя и отнесите на мѣсто" [1]).

По поводу всѣхъ вышеприведенныхъ фразъ, Марковъ говоритъ, что онѣ приведены лишь для образца, какъ пришедшія ему на память скорѣе другихъ; случались-же и гораздо почище этихъ. Странно, что при столь сильномъ и безцеремонномъ стремленіи изобразить „дикость фразеологіи и краснорѣчія" А. Ѳ., изученныхъ имъ въ „омутѣ дворянскаго воспитанія", у Маркова ускользаютъ изъ памяти наисильнѣйшія къ тому доказательства!..

„Руссишенъ и прусишенъ брудеры"—шуточная фраза, бывшая въ ходу у нашихъ войскъ послѣ 1813—1814 гг. Быть можетъ, въ шутку и А. Ѳ. не разъ произносилъ эту фразу, но никакъ не при тѣхъ неостроумно придуманныхъ обстоятельствахъ, которыми Марковъ украшаетъ свой разсказъ. Дѣйствительно, какимъ образомъ могли оказаться, особенно въ военное время, за 100 верстъ отъ границы, три всадника въ прусской военной формѣ?! Ради чего А. Ѳ., подъѣзжая къ прусскому офицеру, „перекрестился"?! Наконецъ, почему Марковъ предполагаетъ, что А. Ѳ., „вѣроятно", разсуждалъ: „какъ легко для умнаго человѣка справиться съ нѣмецкимъ языкомъ?" Развѣ потому только, что авторъ самъ по себѣ зналъ весьма хорошо, какъ трудно справляться съ языками, которыхъ не знаешь [2])?...

Въ концѣ повѣствованія Марковъ напрягаетъ всѣ свои литературныя способности дабы доказать, что на маневрахъ, „гдѣ требовались уже нѣкоторыя научныя свѣдѣнія", А. Ѳ. былъ „просто жалокъ".

Въ подтвержденіе столь нелестнаго своего мнѣнія, Марковъ группируетъ всякія небылицы, несвязныя мелочи, пересыпаетъ ихъ разными неблаговидными до цинизма сравненіями, предположеніями, такъ что въ совокупности повѣствованіе его отнюдь не уступаетъ,

---

[1]) Восп. Маркова „Русск. Ст." 1890 г., т. LXVIII, стр. 3.

[2]) А. Ѳ. горько сожалѣлъ и понималъ, какъ много онъ проигрывалъ отъ незнанія иностранныхъ языковъ; но усиленная дѣятельность, выпавшая на его долю съ первыхъ-же шаговъ вступленія на службу, не дозволила ему пополнять этотъ пробѣлъ въ своемъ образованіи. Д. А.

по своей правдивости, разсказамъ барона Мюнхаузена, извѣстнымъ въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ „Не любо не слушай, а лгать не мѣшай“.

Замѣтивъ, что недостатки первоначальнаго научнаго образованія, при умѣ и способностяхъ, значительно пополняются чтеніемъ [1]), участіемъ въ кампаніяхъ и другими благопріятными условіями и способами самообразованія, перехожу къ изложенію фактическихъ данныхъ, далеко не согласующихся со словами Маркова.

Съ 1821 г., командуя еще баталіономъ, А. Ѳ. началъ получать высочайшія благоволенія за маневры; съ тѣхъ поръ онъ участвовалъ во всѣхъ маневрахъ гвардіи, производившихся по нѣсколько разъ въ годъ; съ назначеніемъ въ 1837 г. дивизіоннымъ командиромъ, А. Ѳ. ежегодно командуетъ уже значительными отрядами, а наконецъ и одною изъ сторонъ маневровъ, при чемъ случалось, что государь лично распоряжался другою стороною; даже и послѣ 1844 г., не командуя уже никакою частью, А. Ѳ. былъ назначаемъ командующимъ одною изъ сторонъ. Заслуживая постоянно царское одобреніе, однажды, по окончаніи продолжительныхъ маневровъ, когда къ государю обыкновенно собирались всѣ начальники для выслушиванія замѣчаній или одобреній, его величество, съ приближеніемъ А. Ѳ., скомандовалъ близь стоявшей части войскъ, „на караулъ“,—въ знакъ особеннаго одобренія его распоряженій. Наконецъ, если личное и столь нелестное мнѣніе Маркова было-бы правдиво, то могъ-ли бы А. Ѳ. заслужить то высокое довѣріе, которое сказалось въ назначеніи его командующимъ всѣми войсками и ополченіемъ въ Петербургѣ, окрестностяхъ и въ Финляндіи, до Выборга включительно, въ 1854 году? Но, какъ видно, всѣ эти данныя не имѣли никакого значенія въ глазахъ Маркова, глубоко убѣжденнаго въ томъ, что неокончившему курсъ, по крайней мѣрѣ, въ московскомъ корпусѣ невозможно не быть „жалкимъ на маневрахъ“.

Что же касается собственно до разсказа о маневрахъ, то въ немъ не подлежатъ лишь сомнѣнію: 1) полный вымыселъ; 2) безцеремонный подборъ мелочей, противорѣчащихъ другъ другу, и 3) желаніе во что бы то ни стало изобразить въ жалкомъ видѣ „воспитаннаго въ Дворянскомъ полку начальника“.

Прежде всего слѣдуетъ припомнить, что Марковъ вышелъ въ отставку въ 1835 году, т. е. въ то время, когда А. Ѳ. ни по чину, ни по мѣсту не могъ еще командовать „значительнымъ отрядомъ“.

[1]) Все, выходившее на русскомъ языкѣ, особенно по военному быту и исторіи, внимательно прочитывалось А. Ѳ—емъ. Д. А.

Впрочемъ, и самъ авторъ воспоминаній, включивъ сначала въ отрядъ нѣсколько баталіоновъ, бригаду кавалеріи и три батареи, нѣсколькими строками ниже [1]) проговаривается, что у А. Ѳ. было лишь три баталіона и одна батарея. Не безъ причины также умалчиваетъ Марковъ объ именахъ начальниковъ частей, входившихъ въ составъ „значительнаго отряда"...

Несообразности всего сказанія и исключающія другъ друга подробности не дозволяютъ опредѣлить, какой собственно моментъ маневровъ Марковъ выбралъ для своихъ литературныхъ измышленій, но, во всякомъ случаѣ, неожиданное появленіе изъ опушки лѣса непріятельской кавалеріи, хотя-бы „съ полъ-взводика", не только могло, но и должно было вызвать команду „на весь отрядъ [2])": становись, а быть можетъ и нѣсколько выстрѣловъ, которые, благодаря необузданному воображенію Маркова, обратились въ пушечную „жарню" и ружейный огонь трехъ баталіоновъ.

Болѣе чѣмъ съ излишнею самоувѣренностью, Марковъ придаетъ ироническій смыслъ словамъ, яко-бы сказаннымъ начальникомъ штаба: „но кто могъ знать, что за полу-взводомъ не скрывается большихъ силъ?", объясняя при этомъ, что начальникъ штаба ограничился этими словами, лишь благодаря великодушной просьбѣ Маркова: „не конфузить генерала разспросами".

Кромѣ великодушія, Марковъ обладалъ и сверхъестественною способностью видѣть и слышать одновременно происходящее въ разныхъ отдаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ; такъ, напримѣръ, въ началѣ тревоги, онъ скачетъ „въ хвостъ и въ гриву" четыре версты за конной бригадой, и вмѣстѣ съ тѣмъ видитъ до малѣйшихъ подробностей всѣ движенія и слышитъ дословно всѣ разговоры А. Ѳ., Стахіева и уланскаго офицера!!!... Правда, что при описаніи этихъ видѣній, Марковъ впадаетъ въ явныя несообразности, но это лишь потому, что онъ не принялъ въ соображеніе свойство миражей: отражать предметы въ превратномъ видѣ; иначе, безъ сомнѣнія, онъ додумался бы, что Стахіевъ могъ подъѣхать, съ донесеніемъ объ отсутствіи войска за разъѣздомъ, лишь со стороны непріятеля, а не съ тыла, не со стороны обоза, съ дерзкимъ восклицаніемъ: „что вы это срамитесь!"

— Не мѣшало-бы также Маркову принять во вниманіе, что Стахіевъ, хорошо понимавшій служебныя отношенія и искренно уважавшій А. Ѳ., не могъ произнести такое дерзкое замѣчаніе; къ тому-же и А. Ѳ. далеко не принадлежалъ къ числу людей спо-

[1]) Воспоминанія Маркова, стр. 126 и 128.

[2]) Т. е. тремъ баталіонамъ и батареѣ.

собныхъ снисходительно выслушивать дерзости отъ кого-бы то ни было.

Надѣюсь также, что всѣ знавшіе А. Ѳ. подтвердятъ, что онъ никогда не слагалъ своихъ ошибокъ на другихъ [1]), а напротивъ, не рѣдко принималъ на себя ошибки подчиненныхъ.

Что касается до шутовскихъ подробностей, выраженій и уподобленій, какъ напримѣръ: „листифониль“ [2]), „не по чину“, „грацiозничающую ливретку“, „заигрывающимъ котомъ“, „отправился въ кусты, чтобы скрыть свой стыдъ, но мало что говорятъ, можетъ быть и вовсе не затѣмъ“ и т. п., то если столь площадной цинизмъ и можетъ набрасывать неблаговидную тѣнь, такъ развѣ лишь на память автора его. Въ опроверженіе упрековъ Маркова, что А. Ѳ. даже при частныхъ встрѣчахъ требовалъ подобострастныхъ къ себѣ отношеній, что онъ и въ чужихъ домахъ дозволялъ себѣ говорить дерзости своимъ подчиненнымъ [3]), „что онъ очень любилъ“, когда за нимъ ѣздилъ офицеръ съ аксельбантомъ и т. п., ссылаюсь на многочисленныхъ бывшихъ подчиненныхъ, адъютантовъ, офицеровъ и вообще близко знавшихъ А. Ѳ.,—надѣюсь, они подтвердятъ, что внѣ фронта и въ частной жизни онъ былъ безусловно обходителенъ и простъ.

Даже касаясь домашней жизни А. Ѳ. [4]), Марковъ не упускаетъ случая затемнить память о немъ неблаговидными предположеніями. Наряду съ справедливыми заявленіями о томъ, что А. Ѳ. былъ попечительнымъ отцемъ семейства, что у себя въ дому являлся радушнымъ хозяиномъ, отличался широкимъ хлѣбосольствомъ, Марковъ предполагаетъ, „что въ приглашеніи гостей онъ былъ очень расчетливъ, а можетъ быть—и не безкорыстенъ“.

Если Марковъ счелъ себя въ правѣ заподозрить А. Ѳ. въ корыстолюбіи, то обязанъ былъ и подтвердить это фактическими указаніями; авторъ-же, какъ-бы въ подтвержденіе столь неблаговиднаго заключенія, сряду продолжаетъ, что и онъ, Марковъ, „нерѣдко“ былъ приглашаемъ, преимущественно вмѣстѣ съ Я. И. Ростовцевымъ.

Я. И. Ростовцевъ началъ службу въ л.-гв. Егерскомъ полку подъ ближайшимъ начальствомъ А. Ѳ. и съ тѣхъ поръ между ними сохранились до конца ихъ жизни наилучшія пріятельскія отношенія; не только съ семьей Я. И., но и съ братьями и съ близкими род-

---

[1]) Какъ разсказываетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ Старый инвалидъ, „Русск. Ст.“ 1890 г., т. LXVIII, стр. 129.

[2]) Слово—вновь придуманное Марковымъ.

[3]) Воспоминанія Маркова, стр. 98 и 126. Д. А.

[4]) Тамъ же, стр. 98 и 99.

ными его А. Ѳ. былъ постоянно въ отличныхъ отношеніяхъ [1]). При подобныхъ условіяхъ, можно-ли хотя чѣмъ-нибудь оправдать предположеніе Маркова о „небезкорыстности“ въ приглашеніяхъ Я. И. Ростовцева.

Въ подтвержденіе своего „быть можетъ“ остается самъ Марковъ. Но какими-же корыстолюбивыми соображеніями могъ руководствоваться А. Ѳ., приглашая Маркова, занимавшаго незначительное мѣсто въ вѣдомствѣ, не имѣвшемъ ничего общаго съ положеніемъ А. Ѳ.? Не обладая сверхъестественными способностями, не могъ-же онъ предвидѣть, что черезъ десятки лѣтъ Марковъ вздумаетъ писать свои воспоминанія о службѣ въ л.-гв. Павловскомъ полку и, въ виду этого, обѣдами подкупить снисходительные о себѣ отзывы!...

При этомъ, не ради платы тою-же монетою, а для того, чтобы возстановить истину и еще разъ показать насколько „старому инвалиду“ измѣняла память, долгомъ считаю заявить слѣдующее: вопреки утвержденію Маркова о томъ, что онъ „нерѣдко“ былъ приглашаемъ, „то на дикую козу, то на живую стерлядку“, я совсѣмъ не помню, чтобы онъ въ описываемое время обѣдывалъ у моего отца [2]).

Д. А. Арбузовъ.

---

[1]) Благодаря этому доброму и дружескому расположенію къ моему отцу, я самъ многимъ обязанъ Я. И. и сохраняю къ памяти его искреннѣйшую признательность. При выѣздахъ семьи моей изъ Петербурга, въ отпускное время изъ корпуса, я находилъ самый радушный пріютъ въ семьѣ Я. И. Въ затруднительныя минуты по службѣ я постоянно пользовался его совѣтами и содѣйствіемъ, напр., въ то время, когда мнѣ внезапно приходилось оставлять л.-гв. Преображенскій полкъ и потомъ, когда вслѣдствіе завиднаго назначенія, выпавшаго на мою долю, на меня посыпались небылицы, по своей правдивости и основательности не уступавшія анекдотамъ М. А. Маркова.

[2]) Въ то время я былъ уже поручикомъ л.-гв. Преображенскаго полка и, за рѣдкими исключеніями, постоянно обѣдалъ дома: слѣдовательно, могъ бы помнить визиты Маркова, тѣмъ болѣе, что у отца многолюдныхъ обѣдовъ никогда не бывало. Д. А.